

Автор
Алексей Маркович
Бондаренко

Окончание, начало в №28, 30

Но тут заявила ко мне соседка. Она, размахивая руками, на чем свет костерила своего непутевого мужа. Затем тяжело опустилась на стул и, молитвенно сложив на груди руки, попросила меня:

- Христом, Богом прошу тебя, Маркелыч, не откажи. Ну, что взять с него непутевого. Вот так и маюсь двадцать лет. Это не мужик — ветер. Ему наш дом — причал для ночи. Боле ничего. Не тебе рассказывать, что все хозяйство на моих плечах. Хоть на меня-то не держи зла, соседка.

Нине я отказать не мог. Обаятельная и обходительная она всегда приходила на помощь моей семье. Мне ничего не оставалось, как лебедкой по доскам затаскать в кузов своего УАЗика дохлую корову и везти ее на свалку, чтобы там закопать поглубже в землю.

Пока я расширял подходящую яму на свалке, подкатила зеленая «Нива» с тележкой.

- Ты чего там, Маркелыч, удумал? Никак могилу кому роешь? Место ли тут? — услышал я знакомый голос.

- Могила, — буркнул я, выбрасывая землю из ямы. А когда поднял голоу, увидел Анатолия Васильевича Борзых. Он ходил вокруг моей машины и что-то прикидывал в уме. А затем, словно спохватившись, как-то неопределенно махнул рукой и подошел ко мне.

- Ты, Маркелыч, не представляешь, какой клад зарываешь в землю, — прищурил он хитро глаза.

- Скорей бы зарыть. А то вонь от этого клада на всю округу, — ответил я, не останавливая работы.

- Председатель Погодаевского колхоза Тарасов жалуется, что медведь повадился на заимку. Телята исчезают бесследно. Никак караулить не могу. Хитер оказался, стервец. А тут такая притрава! Отдай эту корову мне. И сам можешь составить кампанию.

- Да, ради Бога, заведи ты ее. Мне меньше работы —

баба с возу, кобыле легче.

Вскоре мы уже мчались по пыльной дороге в сторону Погодаевской заимки. Анатолий Васильевич место для засады выбрал укромное, тихое: внизу ложок, уходящий в дебри. Вокруг густолесье и место далеко просматриваемое.

Корову сгрузили на бургорке. Борзых ее за ногу накрепко привязал тросом к дереву.

- Чтобы не убежала? — пошутил я.

- Чтобы разбойник не уволок в лог. То наши труды окажутся мартишкиным трудом, — серьезно ответил охотовед. — А теперь поддам. Дня через два-три я тебе дам знать. Пускай притравится террорист.

Через несколько дней мы с Анатолием Васильевичем уже ехали к своей притраве. День выдался солнечным, безветренным. Над нашим будущим местом засады кружило и орало во все глотки воронье. Вороны, казалось, собрались на пир со всей округи и беспрестанно кружили не только над лесом, но и над нами. А когда мы остановили машину и подошли к притраве, они демонстративно уселись на близстоящих березах, недовольно поглядывая вниз.

- Да тут пир горой! — Улыбнулся охотовед. — Все ладно идет, как и задумали. Вот и наш приятель побывал здесь. Теперь он свое не упустит.

Задняя нога привады была обглодана медведем. Тут видны были и поклевки ворон. В лог убежала сильно натеренная тропа.

- Пришло наше время затаиться, — заключил охотовед, и попросил меня. — Ты, Маркелыч, отгони машину подальше, спрячь в потаенном месте, чтобы не видно было. А я пока приготовлю засидки, чтобы трава и кусты не мешали. Да не мешкай там. Скоро вечереть будет, а это самое медвежье время — потемки.

Я сидел в засидке рядом с Анатолием Васильевичем. Вот уже и ночь опустилась на землю, и луна поднялась над нами, слабо освещая в окрест леса, но наш приятель не подавал при-

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

Памяти Анатолия Васильевича Борзых

знаков жизни. Слабый ветерок дул нам в лицо, принося от привады тошнотворный запах. Где-то изредка треснет обломившейся сучок и опять наступает настороженная тишина. От тленного запаха хочется чихать и кашлять, но чрезмерное напряжение охотоведа и постоянные его знаки рукой — сидеть тихо и молчать — не давало это сделать. Он, казалось, впившись спиной в кору старой березы, был чрезвычайно осторожен в своих движениях. Я чувствовал, что ему страшно хочется курить. Он с огромным усилием подавлял в себе это приступающее желание, беспрестанно жевал травинку. Мне тоже захотелось закурить, и порой, не смотря на запрет охотоведа, порывался нарушить его строгий наказ. Но, глянув на своего товарища, сглатывая тягучую слюну, одну за другой мусолил травинки. Каждый звук пошевелившейся в лесу птицы ли, неожиданного порыва ветра ли, крика журавлей на болоте ли отдавались у меня в сердце, заставляли напрягаться, сжимать до боли в суставах двуствольное ружье. Я видел, как и охотовед, другой раз вздрагивал, извинительно поглядывая на меня. И только ближе к полуночи ночные птицы подзрительно шевельнулись и настороженно притихли. Но, ни подозрительного треска сучка, ни вздоха зверя я не слышал. Лишь со стороны лога, почти рядом я чет-

ко услышал еле слышимый шелест травы. И вдруг перед нами объявилось темное живое пятно. Медведь осторожно подошел к приваде, ноздрями вдохнул влажный воздух, покрутил головой и, убедившись, что ему никто не угрожает, принялся с жадностью рвать зубами тухлое мясо.

Охотовед, толкнув осторожно меня локтем, поднял ружье. Почти враз грянули выстрелы. Медведь, перевернувшись, а затем резво вскочил и невидимкой исчез в логу.

- Промазали... — досадно махнул рукой Борзых.

- Не повезло, — подтвердил я. — А может...

- Рассвет будем ждать, — заключил охотовед и сунул руки в вместительную сумку, доставая продукты.

- Не люблю бездельничать. Не лучше ли двинуть следом за ним? — предложил я.

- Жить надоело? — строго предупредил меня охотовед. — Вокруг такая темень. Глаза можно оставить на сучьях.

Мы терпеливо ждали утра. Как только тронулась ночь и обозначились просветы между деревьями, охотовед неспешно выпростался из засидки, потянулся и кивнул головой в сторону лога.

- Теперь пора. Думаю, нас ждет удача, — показал рукой на траву Борзых.

От приманки влог по тропе рдела широкая полоса крови. Тяжелораненый медведь ушел не далеко. Не пробежав и двухсот метров, зверь остался лежать на земле, широко раскинув передние лапы. Мы

его освежевали и благополучно добрались до дома.

После нашей охоты миновало уже более двух недель, как у меня объявился сосед.

- Ты знаешь, Маркелыч, — просительно начал он, будто извиняясь, — Ведь в том медведе, что вы добыли на моей корове и моя доля есть.

- И что ты этим хочешь сказать? — растерялся я, глядя на наглого соседа.

- Не обижайся, — успокоил он меня. — Я ничего не требую. Спасибо что помог. Только вот у друга моего беда случилась — баба его приболела. Говорят, медвежья желчь нужна. Не мог ли ты помочь мне. Ведь надо совсем маленько. Не откажи, дружище.

- С этого бы и начинал, — недовольно буркнул я соседу. — А то доля! Вынь да положи ему на тарелочку с голубой каемочкой. Ну, и жук же ты, Александрыч. Только какой? Уму непостижимо.

- Скажешь тоже, Маркелыч! — хохотнул сосед, ириво толкнув меня плечом. — Я не обижаюсь. Кто старое помянет, тому глаз вон. Веселей, браток, топчи эту несчастную землю.

- Уж шибко прытким ты стал, Александрыч, в последнее время.

Сосед словно не слышал моего упрека. Он буром пер на меня.

- Ну, так как? Соглашайся... В прогаре не будешь.

- Медвежья шкура и желчь у Анатолия Васильевича. И без него ведома, конечно, я не могу тебе помочь.

- Так поехали к охотovedу, — не отступался сосед. — Он же, этот твой охотoved, тоже человек. Думаю, поймет и поможет. Слышал, и упрямята у него помене твоего. Так что, браток, соображай. Да не обижайся. Не девочка ведь. Я ведь шутейно. Сам весело живу и люблю веселых людей.

Анатолия Васильевича дома не оказалось. Но когда мы в поисках хозяина прошли в огород, то на подворье, мой сосед увидел прибитую гвоздями к стене медвежью шкуру. Заметил он на балке и подвешенную за нитку медвежью желчь.

- Вот она, родимая! — обрадованно вскрикнул он. — И тут удача не сторонится нас, Маркелыч. Фартовый я! Конституция у меня такая.

- Не трожь, — решительно запротестовал я.

- Ну, ты даешь! — захохотался от злости сосед. — Там баба на сносях, а он какое-то дерьмо — желчь пожалел. Какой ты, оказывается, бессердечный

человек. Не обидится охотoved. Вечером приду к нему и все обскажу. Как на духу выложу.

Я неопределенно пожал плечами.

- А если он в свою тайгу ускакал? Когда теперя объявится? Через неделю? Две? — убеждал меня сосед.

- Неужели так горит?

- Горит, дружище, горит, — тряхнул меня за плечи сосед. — Говорено же тебе, что бабе помочь надо. Деньги на кон вечером. Не обидится охотoved. Гадом буду — не обидится. Конфуз беру на себя.

Сосед говорил так убедительно, что я после некоторых колебаний, согласился. А для себя решил, как только получу за желчь деньги, тотчас же примчусь к Анатолию Васильевичу, повинуюсь перед ним.

Деньги ни в тот вечер, ни позже я так и не получил. Своих в то время у меня не было. Поэтому тянул, откладывал время, чтобы объясниться с Борзых. Шло время, и я не хотел с пустыми руками показываться на глаза охотovedу. И как-то при случае, он сам подошел ко мне и извещил о пропаже медвежьей желчи. От стыда я готов был провалиться сквозь землю, но вновь промолчал о содеянной пакости. Мой язык словно онемел. Мне показалось, что он догадался о моей проделке, но уличить меня в этом не мог. Еще подумалось мне, что повременить надо, а когда все же появятся деньги, выложить всю правду. И вот только теперь, спустя полгода, я надумал: когда выйду из тайги и сдам пушнину, пойду к Анатолию Васильевичу, на колени, попрошу прощения. А теперя что мне делать? Скажи, мой друг, как найти покой душе? Опоздал... До последних дней меня будет мучить совесть. Никому я в жизни не делал пакостей, а тут черт дернул. Какого человека обманул! Нет! Никогда не прошу себе этой подлости. Каюсь, каюсь...

Маркелыч долго молчал. Обхватив руками голову, он сидел неподвижно, словно каменный идол. Но вот он поднялся и, шатаясь пошел к печке подкинуть дров, на его глазах блестели слезы. Таежник не вытирал их. Подживив печь, он вернулся к столу, разлил по стаканам остатки водки, глухо выдавил:

- Пусть земля Васильичу станет пухом...

Алексей БОНДАРЕНКО,
г. Енисейск

